

*О.П. Власова
Днепропетровский национальный
университет железнодорожного
транспорта имени академика В. Лазаряна
кафедра философии и социологии
Украина*

ГЕНДЕР, ЯЗЫК И СУБЪЕКТИВАЦИЯ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

The article deals with the theoretical issues of gender equality and their interconnection with the general theory of equality against the postmodern background.

В статье рассматриваются теоретические проблемы гендерного равенства и их взаимосвязь с общей теорией равенства на постмодернистском пространстве.

У статті розглядаються теоретична проблематика гендерної рівності та її взаємозв'язок із загальною теорією рівності на постмодерністському просторі.

Исследователи гендера подчеркивают, что с самого начала своего развития феминизм полагал идеи, образы и язык в равной степени ключевыми моментами в формировании и женской, и мужской идентичности. Еще «феминистки до феминизма», обращаясь к специфике женской жизни, рассматривали культурные конструкции фемининности в качестве главного источника угнетения женщин. М. Уоллстоункрафт в своей знаменитой «Защите прав женщины» (1792) доказывала, что вся система воспитания женщины приводит ее к тем самым женским недостаткам и слабостям, за которые она больше всего подвергается нападкам [4: 25].

В XVIII-XIX веках, когда существовало абсолютное разделение учебных предметов на мужские и женские, когда в Англии использовался специальный термин для женского образования «accomplishments» (достоинства, внешний лоск) Мария Эджворт в «Письмах любительницам изящной словесности» (1795) предпринимает попытку феминистской критики мужского образования и мужской культуры, замечая, что хотя знание языков составляет неотъемлемую часть образования джентльмена,

долгие годы детства и юности, посвященные этому обучению, замедляют развитие способностей, потому что тренируется, в основном, память, перегруженная множеством слов мертвых языков, а стремление хорошо писать по-латыни часто портит стиль английского языка. По мысли М. Эджворт, девочки обычно пишут намного лучше мальчиков: во-первых, они раньше начинают четко выражать свои мысли, а, во-вторых, не тратя столько времени на изучение мертвых языков, они читают лучших авторов античности в прекрасных переводах, дающих им почувствовать всю красоту этих произведений [6: 368].

В целом, исследование автономного женского субъекта, способного говорить своим собственным голосом, в культуре постоянно низводящей этот субъект к статусу объекта, всегда было важнейшей частью феминистского проекта. Вирджиния Вулф, считающаяся одной из основоположниц феминистской критики, разделяет женщин на объектов репрезентации и авторов репрезентации и утверждает, что изменение форм литературы является необходимым, поскольку, в основном, вся литература творилась мужчинами, исходя из их потребностей и для их использования [8].

Вулф пишет, что, поскольку роман является своеобразным отражением реальной жизни, то его ценности и являются ценностями реальной жизни. Но очевидно, что ценности женщин часто отличаются от тех ценностей, которые созданы противоположным полом. Тем не менее доминируют именно маскулинные приоритеты, и все это непосредственно переносится в литературу. А потому женщина-писатель всегда делает оговорку, что она «всего лишь женщина», или доказывает, что она «ничем не хуже мужчины», таким образом меняя свои ценности и подчиняясь мнению «Других» – мужчин. «Литература открыта каждому ... Закройте ваши библиотеки, если вам нравится, но нет запоров, нет замков, нет болтов, которые вы смогли бы наложить на свободу моего ума», – пишет В. Вулф [8: 736].

Как известно, Вулф подверглась жесткой феминистской критике за свои позиции андрогинного мышления (Э. Шоуолтер и др.), хотя многие современные писательницы выступают, как и Вулф, против категорий «женщина» и «гендер» в искусстве. И все же с 70-х годов большинство феминистских критиков под воздействием лакановского психоанализа, который описывает раздвоение субъекта-женщины в языке, отвергают концепцию бесполого воображения. Их аргументы подчеркивают невозможность отделить воображение от сексуально, социально и исторически обусловленного «Я». Ученые-феминисты начинают поиски женских «голосов», способных выразить их собственное знание и значение (К. Джиллиган, Г. Спивак, К. Брукс и др.).

В 90-е годы, анализируя явные различия в речи мужчин и женщин, исследователи предпринимают попытки обосновать гипотезу о том, что

проблема «непонимания» между мужчинами и женщинами заключается в том, что они, используя одни и те же слова и формы, вкладывают в них разный смысл. В основу данного подхода был положен постулат о том, что общение между мужчинами и женщинами – это межкультурная коммуникация (Д. Таннен, Дж. Гамперс и др.). По мнению исследователей, гендерная сегрегация в детстве приводит к выработке у мужчин и женщин разных моделей общения, что потенциально чревато взаимным непониманием, поскольку каждый из коммуникантов исходит из своих ожиданий.

Как отмечается, в межкультурной коммуникации на выходе из системы «культура» потребитель оказывается производителем нового артефакта, который не тождественен первому артефакту и является по отношению к нему метапродуктом, появление которого обусловлено новой реальностью, другой традицией и в конечном счете новым потребителем [1: 110-111]. Думается все же, что говорить о разном «смысле» в случае коммуникации мужчин и женщин, представляющих одну и ту же культуру, было бы преувеличением, тем более, если «диалог» происходит в контексте, разделяемом и мужчиной, и женщиной (например, профессиональном). Безусловно, можно говорить о разных коммуникативных стилях, как это делает Д. Таннен, но, разделяя точку зрения М. Киммела, мы полагаем, что мужчины – не выходцы с Марса, и женщины – не выходцы с Венеры, мы все исходим с планеты Земля [2: 11]. Другое дело, что, как пишет В. Вулф, мужчина пренебрегает тем, что он не способен понять. Отношение к женской литературе, например, никогда не было нейтральным, женская проблематика воспринимается как второстепенная именно мужчинами, поскольку для них она малопонятна и неактуальна. Произведения, написанные женщинами, отражают их опыт, а он зачастую отличен от мужского; это, главным образом, переживания различных состояний «женского тела». Знаменитая постмодернистка Х. Сиксу призывает женщин: «Пишите самое себя» [3: 75]. Для таких мыслительниц, как Ю. Кристева, Л. Иригарэ, Х. Сиксу, М. Виттиг, мужской контроль над языком – это не просто вопрос значения слов, но центральный для всех его структур. По Виттиг, язык – это инструмент, ни в коей мере не являющийся мизогинистским по своей структуре, но таковой, безусловно, в своем применении [5: 36].

Как известно, критические позиции постмодернистской феминистской мысли брали свое начало в том развитии лингвистической и психоаналитической теории, которое связано прежде всего с именами Фуко, Деррида и Лакана. Эти мыслители-постмодернисты утверждали, что реальность для каждого из нас различна, поскольку она опосредована не только опытом, но и языком. По Фуко, человек не обладает реальной идентичностью в рамках своего «Я», можно говорить просто о способе презентации себя в речи – дискурсе. «Идентичность» передается другим

индивидам во взаимоотношениях с ними, но она не является фиксируемой в личности. По Фуко, идентичность – текучий, перемещающийся, временной конструкт. В этом контексте, считает Фуко, дискуссии о значении слов являются решающими в определении общественного сознания и связаны с фактически существующими властными структурами[7].

М. Виттиг полагает гармоничной способностью языка и подчинить, и исключить женщин. Как «материалист» она, однако, считает, что язык – это «другой порядок материальности», институция, которую можно радикально трансформировать. Язык занимает место среди возможных практик и институций, поддерживаемых выбором индивидов, но ослабленных коллективными действиями в результате выбора индивидов [5: 35].

В этом смысле, как представляется, постмодернистская концепция плюрализации культуры скорее затрудняет процесс коммуникации, так как проблематизирует многие казавшиеся ранее бесспорными идеи и, прежде всего, исходную идентификацию субъектов – участников коммуникации.

Постмодернистское видение языка начинается с того, что для традиционных концепций является результатом, – самоидентификации субъекта. Если, как пишет Батлер, есть что-то верное в утверждении Бовуар о том, что женщиной не рождаются, но становятся, то следует тогда, что женщина – сама по себе «выражение в процессе», становление, конструирование, в котором нельзя определить начало или конец. Как продолжающаяся дискурсивная практика она открыта обозначению вновь и вновь. И это «введение в дискурс» женщины и фемининности должно стать предметом философского внимания в гендерных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме [Текст]/ В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе // М.: Флинта, Наука, 2008. – 224 с.
2. Киммел М. Гендерное общество [Текст]/ М. Киммел // М.: РОССПЭН, 2006. – 464 с.
3. Сиксу Э. Хохот Медузы [Текст]/ Э. Сиксу// Гендерные исследования, 1999. – № 3. – С. 71-88.
4. Уоллстоункрафт М. В защиту прав женщины [Текст]/ М. Уоллстоункрафт // Феминизм: проза, мемуары, письма. – М.: Прогресс, Литера, 1992. – С. 24-38.
5. Butler J. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity [Text]/ J. Butler //New York and London: Routledge, 1999. – 221 p.

6. Edgeworth M. Letters for Literary Ladies [Text]/ M. Edgeworth // Anthology of British Women Writers. Eds. D. Spender, J. Todd. – L.: Pandora, 1989. – P. 355-371. – P. 368.
7. Foucault M. The History of Sexuality [Text]/ M. Foucault// Vol. 1. – New York: Pantheon, 1978. – 211 p.
8. Woolf V. A Room of One's Own [Text]/ V. Woolf/ Anthology of British Women Writers. Eds. D. Spender, J. Todd. – L.: Pandora, 1989. – P. 725-738.